

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

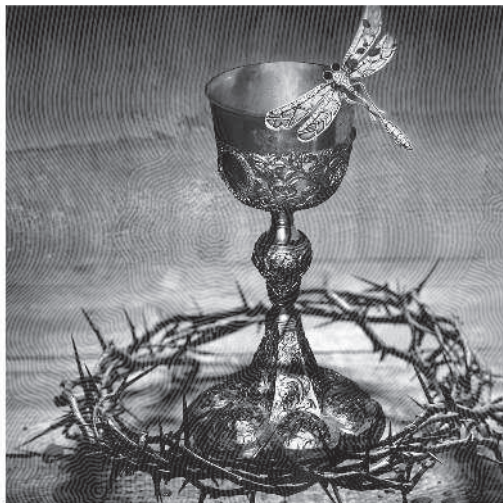
Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ГРААЛЬ

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Наш маленький Грааль : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Знаменитый тандем российского детектива).

ISBN 978-5-04-088972-3

Макс Шадури и его сестры Ася и Маша не могли представить, что будут решать свои проблемы... с помощью загадочной чаши, подаренной дедом! Конечно, сначала никто не поверил, что она действительно... исполняет желания. Но теннисист Макс первым втайне от всех обратился к чаше с просьбой и выиграл турнир! После этого ее попросила о помощи Ася, погрязшая в проблемах с мужем и ребенком, а потом и Маша, мечтающая о гранте на учебу в США. Но их желания начали исполняться не совсем так, как они это себе представляли... Что же происходит: в чаше действительно заключена мистическая сила или кто-то умело ими манипулирует? И не придется ли потом расплачиваться за щедрые дары судьбы?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-04-088972-3 ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Детей у меня не будет. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

И ни одно, даже самое звездное, медицинское светило ничего не может с этим поделать. Максимум, на что эти чертовы профессора способны: сочувственно кивать головой. И мягко укорять:

— Вот если бы вы спохватились хотя бы на пяток лет пораньше... Забили тревогу при первых симптомах... А сейчас — слишком поздно.

И еще много всякой чуши про необратимые изменения и, увы, уже не юный организм.

Я не могу сказать, что мне так уж плохо без этих писклявых, капризных, хлюпающих носом созданий. Родительское счастье — это, конечно, класс, но дети — они ведь сковывают тебя по рукам и ногам. Сто раз подумаешь, прежде чем сорваться в срочную командировку или в приятный романтический отпуск. А так — у меня развязаны руки, в моем доме всегда чистота и вместо визга тихий Моцарт.

Еще, говорят, очень приятно, когда маленькое существо вдруг с абсолютной точностью повторяет твою гримасу или словечко. И сердце, рассказывают, тает, если малышня по вечерам, когда приходишь после работы, бросается в твои объятия...

Не знаю. Собственного опыта у меня не было, а гипотетически я представить не могу.

И, бывая на дорогих курортах, искренне сочувствую родителям, которые, вместо того чтобы спокойно кататься на лыжах или расслабляться на пляже, только и делают, что вытирают носы своим отпрыскам.

Нет. Дети — это, наверное, не для меня.

И хорошо, что у меня их нет. Что в моем доме спокойно, чисто и еле слышно играет Моцарт.

Только иногда, под его беспечные мелодии, такая накатывает тоска...

1996 год

Бизнес в России — занятие для самоубийц. Покушения, подставы, наезды, обман, вымогательство... И противопоставить всему этому можно лишь собственную трезвую голову, шустрого главбуха и проверенный коллектив. Еще нужна личная служба охраны — чтоб ее шеф был предан тебе, как собака. Или — как сын. И конечно, ежемесячно откидывать десять процентов от прибыли в резерв — на случай, если придется откупаться.

Он всегда чувствовал: однажды это случится. И когда в головной офис и во все четыре филиала нагрянули «Маски-шоу», даже особо не испугался. Это можно было предвидеть. Сами виноваты: слишком в последнее время зарвались. Зря за прошлый квартал нулевой баланс сдали. И семьдесят «мертвых душ» — инвалидов — записали в штат тоже зря...

— Не волнуйтесь, — успел шепнуть ему главный бухгалтер. — Не докопаются. В офисе один чистяк, а «черные» балансы — в надежном месте.

Да он и сам понимал: прорвемся. Если что и смогут им приписать — так только неуплату налогов. А налоги в России одни дураки платят. И нарушителям максимум, что грозит, — официальный штраф да пара взяток.

...Даже странно, что по окончании обыска менты посмели потребовать: проедемте, мол, с нами.

— На каком основании? — нахмурился он.

— Скоро узнаете, — последовал загадочный ответ.

Он только пожал плечами. Примитивный приемчик. Пугалка для подростков.

Пока его везли, он решил, что на допросе в меру покается, в меру поплачется. И намекнет, чтоб не тянули кота за яйца, а сразу бы сказали, кому давать и сколько.

Но следователь — молодой, прыщавый, красноглазый — про налоги даже не пикнул. И прямо с порога заговорил о другом. О действительно серьезных делах, что в последнее время провернула корпорация. О партии «Лансеров», которые удалось толкнуть практически без растаможки. О «Самсунгах», что уже пару месяцев успешно ввозились в Россию под видом «копилок керамических, артикул такой-то». И о последнем приобретении его корпорации — заводике в Нижневартовске, бывшая госсобственность, директор которого совсем недавно исчез в неизвестном направлении.

Это уже было куда тревожнее. Тем более что директор того заводика покоился где-то в сибирских лесах — иных подробностей начальник охраны не рассказал.

Линия защиты элементарная: отрицать. Все отрицать.

— ...А ведь вы зря отпираетесь, — ласково обратился к нему юный следователь. — У нас и все документики на руках, и свидетели имеются...

Понты. Кривые понты.

И он продолжал в ответ на бесконечные вопросы лишь пожимать плечами, а потом следователь милостиво позволил ему покурить и сказал, что пепельница на подоконнике, и он подошел к окну и вдруг увидел, что внизу, в пыльном казенном дворе, стоит и тоже курит человек, который ему прекрасно знаком. И на лице его играет мстительная, но неуверенная улыбка.

А следователь — хоть и молод, но уже режиссер — с напускным сочувствием произнес:

— Да, мил-человек, работка с кадрами-то в вашей корпорации не поставлена...

— В смысле? — дернул плечом он.

— Что уж вокруг да около ходить! — хмыкнул следак. — Все равно узнаете... *Сдали* вас. Со всеми потрохами.

— Кто?

— Да начальник вашей охраны и сдал. Тот, что во дворе курит.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ваши коллеги утверждают, вы ему, как собственному сыну, доверяли. Было такое?

— А вам что до того?

— Ему за убийство директора того заводика пятнадцать на строгом грозило. А согласился сотрудничать — пятериком отделается. Может, и условно. Так что советую и вам оказывать активную помощь следствию.

— Не надо меня на пушку брать.

— Не имею такой привычки, — парировал следак. И задумчиво протянул: — Странный вы. Седой, а до сих пор не усвоили, что в бизнесе никому доверять нельзя...

Он снова взглянул в окно.

Его начальник охраны по-прежнему стоял во дворе следственного отдела. И закуривал уже вторую сигарету.

А следователь проследил за направлением его взгляда и с напускным участием сказал:

— Понимаю его. Сдал шефа, а теперь, бедняга, нервничает: вдруг мы свое слово не сдержим? Вас под подписку выпустим?

...И в голове вдруг промелькнула недавняя картинка. Как праздновали на работе его юбилей и как начальник охраны, слегка смущаясь, провозгласил тост за шефа. Который лично ему — как отец.

Что ж.

Семь в бизнесе и правда не бывает.

**Наши дни.
Семья Шагуриных.
Максим**

Мой папа любит пошутить: «В семье не без урода».

Урод получаюсь я. Потому что одна сестра у меня — литературовед и кандидат наук, вторая — училка и молодая мама... ну, а я — профессиональный теннисист. К тому же неудачник.

Я дико завидую Роджеру Федереру.

Он, кто не в курсе, — один из самых крутых на планете теннисистов. Уже много лет в пятерке лучших, а в последние годы вообще первый в рейтинге эй-ти-пи, да еще и с офигенным преимуществом. Натуральная элита.

Роджер богат, но его крутизна не в этом. Подумаешь: по особняку в каждой цивилизованной стране, с десяток гоночных тачек и полный лопатник золотых кредитных карточек. Не в деньгах, говорят неудачники, счастье, да и я, с нашей многодетной семьей, уже привык без большого бабла обходиться.

Федерер — везунчик, потому что все время выигрывает. Всегда. «*Кому же из теннисистов удастся остановить Роджера? Кто сможет прервать победную серию из ста матчей?*» — восклицают спортивные комментаторы. Но только волнуются и предрекают они тщетно. Никому, как ни старается народ, обломать швейцарца не удастся, он всех громит и громит... Максимум — первый сет сольет, зато потом в такую ярость приходит, что самые дерзкие ему под ноль продувают. А выиграть сто матчей подряд, без единого поражения — вы хоть представляете, что это такое? Ведь слово «турнир» — это только звучит мощно, будто надо играть и играть, а на деле — лишь несколько удачных партий, и вот она, корона! Чтобы взять Большой шлем, нужно всего-то победить в восьми матчах.

Но сколько народу, сотни, тысячи, десятки тысяч

честолюбцев напрасно об этом мечтают?! Вон англичане целый фильм сняли под названием «Уимблдон» — как житель Соединенного Королевства побеждает на пресловутом турнире. Надеялись, наверно, что своих спортсменов к свершениям подхлестнут — из современных-то англичан Уимблдон еще ни одному не покорился! Но только зря старались — их звезда, Тим Хенман, дальше полуфинала ни разу не прошел. И все другие англичане тоже на почетный титул лишь зубами клацают. А у Федерера этих Больших шлемов — уже целая комната, минимум пять сервантов. Стоят себе, пылятся, подставляют бока под тряпки лощенных горничных. И наверно, его даже не радуют. Чему, действительно, радоваться, когда кубки можно уже на вес продавать? Мил ему из них, наверно, только первый...

А мне — хотя бы один такой! Или даже половинку, четвертушку, хотя бы одну восьмую!..

Для начала я согласен, конечно, на приз куда попроще. С турнира любой серии, любой категории и минимального призового фонда. Лишь бы выиграть, лишь бы стать первым! Эти кубки, чтоб их, мне уже снятся, преследуют, мерещатся...

Но только что говорить!

Я — теннисный неудачник. Я до сих пор не выиграл ни одного турнира, школьное первенство, турнир в доме отдыха и соревнования на теплоходе, конечно, не в счет. А ведь большой теннис для меня любимее всего на свете. Милее вкуснящей маминой жареной картошки и даже Милки Безуховой из десятого «Б».

Семья у нас хотя формально и многодетная, но маленькая. Две сестры, я, папа, мама, бабушка — она живет в Подмосковье и наезжает редко. Еще на юге, в Краснодарском крае, живет ее бывший муж, папин отец, известный приколист. А больше и нет никого. Ни дядюшек, ни тетюшек. Один дядя Митя, папин брат, был — и тот давно умер. Так что нашим воспитанием занимаются исключительно родители. И в спорт в раннем детстве предки меня отдали не для рекордов, а чисто для того,

чтоб я гармонично развивался. Я мелким-то чахлый был и носом вечно хлюпал — как, впрочем, все московские дети. Вот в пять лет меня уже и сбагрили — на плавание, в лягушатник при детской поликлинике. Я там быстро освоился, без труда научился держаться на воде и полюбил подныривать под девчонок, соратниц по тренировкам, и хватать их за ноги. Те противными голосками визжали, жаловались родителям, и меня, нарушителя спокойствия, из лягушатника живо поперли. И тогда предки отправили меня в обычный, уже взрослый бассейн. От соплей к тому времени я излечился, занятий не пропускал, резиновую шапочку дома не забывал, но только с тренершей, как сейчас помню злобную очкастую тетеньку, у нас все равно любви не сложилось. Никаких сил не было исполнять ее тягомотные указания: в бассейн — только по свистку, в воде — не шевельнись. И плавай не по дорожкам, а как последний придурок, по мелководью — малым детям иного не положено.

Меня этот террор просто бесил, с очковой тренершей мы состояли в постоянных контрах, и каждый раз, когда после вечерних тренировок меня забирал папа, она начинала катить баллоны: что я из всей группы самый бесперспективный, бестолковый, неспособный, несносный и не годный к спортивной борьбе... И все отцовские речи, что в бассейн меня отдали вовсе не для спортивной борьбы, а для гармоничного развития, разбивались об ее гнусную ухмылку.

Так что с плаванием вышла нескладуха, и из секции меня тоже очень быстро поперли. Уж сейчас-то, надеюсь я, родики от меня точно отстанут. Начнут без ограничений выпускать во двор, и я буду спокойно лазить со всеми нормальными пацанами по подвалам и гонять мяч внутри заброшенной хоккейной коробки. Но упорные предки — далось им мое гармоничное развитие! — не сдавались. И в этот раз засунули меня еще хуже — на фигурное катание.

Это была полная катастрофа. Я хотя и совсем мелкий был, к тому времени только пошел в школу, в подго-

товительный класс — но ведь не без глаз. Видел по телику это фигурное катание неоднократно. Когда мужики сами по себе катаются — еще туда-сюда, хотя все эти костюмы с блестками, как у «снежинок» в детском садике, — сущий кошмар. Но когда парни пляшут в парах... И приходится волочить на себе противных девиц, подбрасывать их, ловить, тащить за собой по льду... А при этом еще самому прыгать и вертеться волчком! В общем, занятие для полного дебила.

И к тому же непонятно, победил ты или продул. Решают не голы, не скорость, не время, но противные, с сердитыми лицами, судьи. Разве это соревнование — так, балет какой-то.

— Хочу в хоккей! — умолял я родителей.

Но был готов согласиться и на конькобежный спорт, и на легкую атлетику, и даже на керлинг.

Только легкой атлетики в нашей округе не было, как, впрочем, и конькобежного спорта, на керлинг брали с восьми лет, а хоккейная секция оказалась платной, причем просили за нее, как я понял по расстроенному папиному лицу, очень изрядных денег. А у нас в семье, я уже говорил, с этим делом всегда было неважно. Что вы хотите: кроме меня, еще две сестры, и мама — учительница в обычной школе, а у папы — одно имя чего стоит: Климент. В честь красного маршала Ворошилова. Да и по профессии он — последний романтик, геолог...

И хотя отец мне наболтал, что в хоккейной секции нету мест, я прекрасно понял: он просто не может за нее заплатить. И я пусть и мелкий, а врубился: *нормальный спорт — в хоккей играют настоящие мужчины* — он и стоит нормальных бабок. А кто победнее — иди на дурацкую *фигурку*.

— Разговор на эту тему закрыт, — строго сказал папа. — Будешь ходить на фигурное катание. Все.

— Поближе к дому и ценою подешевле... — прокомментировала отцовское решение сеструха Машка.

Наверняка это не ее слова, а из какой-то книжки, она у нас любит шибко умной прикинуться и вечно, ко-

гда ни глянь, над своими фолиантами горбатится. И ее, прошу заметить, ни на какое фигурное катание не волокут.

А другая сеструха, Аська, сказала так:

— Да не горюй ты, Макс. Подумаешь, фигурное катание! Скажи спасибо, что в музыкальную школу не отдали.

И Аська, конечно, железобетонно права. Потому что куда лучше чертить коньками всякие развороты-елочки, чем пиликать на скрипке бесконечные гаммы.

Но, на удивление, с фигуркой у меня дело пошло. Тренер оказался мировецкий — особо не давил и даже орал только в исключительных случаях (когда, например, я на спор взялся костер прямо на льду разжечь). Никаких костюмов с блестками, к счастью, шить не пришлось. И таскать на себе девчонок — тоже. Много занимались в зале нормальными мужскими делами: турник, шведская стенка, брусья, конь. Бегали. Прыгали. Иногда за всю тренировку на каток вообще не выходили. «Зачем форсировать? — не совсем понятно говорил тренер. — Лед — он как женщина, которую раскрыть надо...»

Про соревнования да про спортивные перспективы тренер тоже не упоминал. Не разделял нас, как злосчастливая тренерша по плаванию, на перспективных и ничемных. Хвалил даже толстого Ваську, который за целый год так и не научился приседать в пистолетике. А мое почти идеальное вращение и, как говорили девчонки, самый красивый перекидной прыжок во всей группе, наоборот, не выделял. Сдержанно говорил: «Приемлемо...»

И потому я очень удивился, когда однажды после занятий меня вдруг позвала к себе важная тетенька. Она представилась заслуженным тренером, рассказала, что наблюдает за мной несколько тренировок подряд, и завела уже подзабытую с плавания песню про перспективы.

Я слушал настороженно, потому что большой

спорт — это, во-первых, как говорит папа, для тупых. А во-вторых, очкастая тренерша из бассейна намертво вколотила мне, что я — бесперспективный и вообще полное дерево. И в-третьих, если всерьез заниматься фигуркой, на соревнования ездить — это ведь придется костюмы с блестками шить?!

Я честно изложил свои сомнения важной тренерше. Она в ответ басисто, по-мужски, расхохоталась. А отсмеявшись, выложила: шить блестящие костюмы мне однозначно не придется. Потому что зовет она меня, оказывается, совсем не в фигурку. А в большой теннис.

— Он-то здесь каким боком? — обалдел я.

Ну, она и объяснила. Что, оказывается, какое-то исследование было с известными теннисистами в качестве подопытных кроликов. Выясняли, откуда чемпионы вырастают. И определили, что для стопроцентного чемпионства совсем не нужно ребенка прямым ходом в теннис вести. Сначала — на годик в бассейн, потом — на пару лет на фигурное катание. И только потом в теннис. Вроде бы с таким багажом сразу начинаются нечеловеческие успехи.

Я, врать не буду, загордился. Получается, предки со своим *гармоничным развитием* меня в потенциальные чемпионы готовили?!

И тут же дал тетеньке свое согласие: готов, мол, предать фигурные коньки в угоду корту, ракетке и мировой славе.

Только уже когда шел домой, подумал: а ведь я лоханулся. Кто в нашем классе теннисом занимается? Кирилл и Миха, а их обоих родаки на иномарках к школе подвозят. Это считается спорт элитный, знай деньги выкладывай — одна ракетка, по слухам, кучу баксов стоит, не говоря уже о кортах и тренерах. А у нас семья честная и малообеспеченная. И что скажет папа, когда я сообщу ему, что вместо скромной и почти бесплатной фигурки самовольно перешел в крутейший большой теннис?! Он, конечно, купит мне и ракетку, и мячи, но ведь у сестры Машки, я сам видел, зимние сапоги развалились. А у